

УДК 81'23

Филиппова Ольга Владимировна

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

Лингвопрагматический подход к изучению конфликтного взаимодействия

Понятие «конфликт» встречается в различных областях знаний: социологии, психологии, политологии, педагогике, лингвистике, так как противоречия возникают во всех сферах нашей жизни. Конфликт может возникнуть только при речевой коммуникации, в результате которой каждая сторона отстаивает свои интересы. Цель работы – выявить общие лингвистические средства, которые используют участники конфликта для достижения своих целей. Рассматриваются лингвистические маркеры, которые провоцируют пользователей языка на конфликтное взаимодействие (на примере английских художественных произведений и их перевода на русский язык).

Ключевые слова и словосочетания: *собеседник, речевой акт, конфликтный диалог, речевая коммуникация, противоборство интересов, коммуникативная неудача, конфликтное взаимодействие, речевое поведение.*

Трудно представить нашу жизнь без общения с другими людьми. Вступая в контакт человек должен осознавать, что взаимодействие с участниками общения может привести к конфликтному столкновению. Конфликтный диалог – интересное явление коммуникации, – часто выступает результатом различий в мировосприятии коммуникантов, их убеждений, эмоционального состояния. При этом участники диалога действуют в рамках определенной социальной и культурной среды в соответствии с установленными носителями языка конвенциональными правилами. Изучением конфликта занимаются философы, психологи, политологи, юристы, педагоги и социологи. Не остались в стороне от изучения этой проблемы и лингвисты, начав рассматривать данный феномен в рамках коммуникации. Авторы изучают конфликтный диалог в устной разговорной речи (Ермакова, Земская), письменной речи (Кукушкина), межкультурной коммуникации (Формановская, Гудков), педагогическом дискурсе (Зубарева), художественном дискурсе (Маслова), юрлингвистике (Кошкарова). Эту проблему рассматривали в своих трудах М. Бахтин, Е. Ширяев, Т. Иванова, Р. Потапова, А. Романов, В. Третьякова и др.

Воспроизводимые индивидами в повседневной жизни модели проявляются и в крупных социальных системах, поэтому можно говорить об изоморфизме процессов межличностного взаимодействия в рамках крупных социальных структур [4]. Социальное взаимодействие реализуется в процессе вербальной и невербальной коммуникации. Л. Комалова рассматривает коммуникацию как смысловой аспект социального взаимодействия. Конфликтное взаимодействие представляет собой нелинейный, естественно развивающийся процесс, который реализуется в речевой коммуникации. Р.К. Потапова говорит о необходимости изучения спонтанной неподготовленной речи в естественных условиях: «...В настоящее время центр исследований сместился с проблем чисто лингвистического описания высказывания к проблемам описания интерпретации всего процесса речевой коммуникации в целом» [4].

В устной речевой коммуникации высказывание (сообщение) рассматривается как комплексная единица. В процессе коммуникации участники диалога используют различные источники информации, которые могут включать речевую ситуацию, контекст, структуру языка (лексику, синтаксис, фонологию и т.д.), невербальные ориентиры [6].

Существуют различные модели речевой коммуникации. Р.К. Потапова выделяет *традиционные* и *современные* модели (цепи) коммуникации. Указывая на неточность традиционной модели, она подчеркивает, что речевая коммуникация должна начинаться с мотивации и целей говорящего в ситуации коммуникативного взаимодействия. Важное звено в цепи – это коммуникативная интенция, точно сформулированное решение послать определенное сообщение. В современной модели процесс коммуникации описывается с помощью следующих компонентов: говорящий, слушающий, текст, ситуация, хранилище знаний и владение языком (у говорящего), кодирование, хранилище знаний и владение языком (у слушающего), декодирование, психофизическое состояние говорящего, интенция (намерение), тактика поведения по отношению к партнеру, оценка ситуации говорящим, психофизическое состояние слушающего, ожидание, оценка ситуации слушающим, тактика поведения по отношению к партнеру по коммуникации [6].

Речевой конфликт является, прежде всего, речевым актом, следовательно, необходимо дать определение речевому акту. Речевой акт – это минимальная единица речевой деятельности, выделяемая и изучаемая в теории речевых актов – учении, являющемся важнейшей составной частью лингвистической прагматики. Согласно Дж. Р. Сёрлю, речевые акты не существуют сами по себе, именно благодаря связи с сознанием они способны представлять («репрезентировать») существующие в мире вещи. В этой связи Сёрль вводит понятие интенциональности, т.е. направленности сознания на предметы. Носителями интенциональности он

в противовес традиционным теориям считает не убеждения и желания, а восприятия и действия [8].

Поскольку речевой акт – это вид действия, то при его анализе используются по существу те же категории, которые необходимы для характеристики и оценки любого действия: субъект, цель, способ, инструмент, средство, результат, условия, успешность и т.п. Субъект речевого акта – говорящий производит высказывание, как правило рассчитанное на восприятие его адресатом – слушающим. Высказывание выступает одновременно и как продукт речевого акта, и как инструмент достижения определенной цели. В зависимости от обстоятельств или от условий, в которых совершается речевой акт, он может либо достичь поставленной цели и тем самым оказаться успешным, либо не достичь ее. Чтобы быть успешным, речевой акт, как минимум, должен быть уместным. В противном случае говорящего ждет *коммуникативная неудача*, или речевого конфликт [8].

Процесс межличностного общения – явление достаточно сложное. Об этом свидетельствует обилие работ, в которых затрагиваются различные аспекты коммуникации. Одна из важных характеристик общения – его эффективность. Признавая общение эффективным, мы имеем в виду, что коммуникативное намерение говорящего осуществлено, т.е. высказывание полностью услышано и понято адресатом, а в случае пробуждения адресата к совершению действия или изменению состояния требуемое слушающим выполнено. Предполагается также, что, стремясь к максимально эффективному общению, коммуниканты руководствуются максимами принципа кооперации и вежливости, о котором говорит Г.П. Грайс [2]. Данный принцип рассматривает коммуникативное намерение говорящего и то, как его слова были поняты и восприняты другими участниками диалога. Принцип включает в себя следующие максимы успешной коммуникации: качество (сообщайте правдивую и аргументированную информацию); количество (не сообщайте избыточную информацию); релевантность (сообщайте информацию, которая соответствует цели общения); манера (избегайте двусмысленности, неясности). Соответственно нарушение данных максим и ведет к провалу коммуникации.

Под термином «коммуникативная неудача» понимается полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации [1], а также «возникающий в процессе общения не предусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление» [3]. Причиной коммуникативной неудачи могут стать не только языковые факторы (полисемия, омонимия и т.д.), но также психологические факторы (различия между двумя говорящими в восприятии картины мира, различия в характерах коммуникантов).

В.С. Третьякова указывает на то, что конфликт – это двустороннее поведение, базирующееся на коммуникативном контакте. Противоположность позиций или мысленное действие, никак не выраженное вовне, не являются элементами конфликта, если действует только один участник [9].

Речевой конфликт – это состояние противоборства двух сторон (участников конфликта), в результате которого каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной стороне, эксплицируя свои действия вербальными и прагматическими средствами. Материальное выражение конфликтных отношений субъектов речи в акте коммуникации в виде конкретных языковых и речевых структур является отражением их докоммуникативного состояния (интересов, позиций, взглядов, ценностей, установок, целей и т. п.) [10].

Согласно Третьяковой, экспликация существующих между двумя сторонами противоречий происходит чаще всего на вербальном и речедейятельностном уровнях. Поэтому актуальным становится изучение речевого поведения участников данного типа взаимодействия с точки зрения средств и способов выражения данных противоречий. Знание сценариев конфликтного типа взаимодействия и соответствующих речевых жанров обеспечивает предсказуемость речевого поведения в подобных ситуациях и моделирование коммуникантами как самой ситуации, так и своего поведения в ней. Это дает возможность избежать неожиданностей, непредсказуемости в общении, а это, в свою очередь, исключает возможность конфликтного развития взаимодействия [10].

Выбор лингвистических средств и конкретные речевые действия зависят от каждого участника коммуникации как языковой личности. Обмен речевыми действиями участников общения называется коммуникативным актом. Он имеет свою структуру и содержание. В конфликтном коммуникативном акте (ККА) структура и содержание речевых действий определяется рядом несоответствий и противоречий, которые имеются между участниками.

Среди языковых средств, маркирующих ККА, особое место занимают многозначные слова и омонимы, ненормативная и негативная оценочная лексика, специальные номинации собеседников по какой-либо примете, слова-агнонимы (неизвестные, непонятные или малопонятные многим носителям языка слова). Грамматическими маркерами конфликта являются местоимения 2-го лица «ты» и «вы» и глагольные формы 2-го лица единственного и множественного числа, выбор которых имеет под собой тактические основания; личные местоимения «он», «она» по отношению к лицу, присутствующему при разговоре; большой конфликтогенной силой обладают императивы совершенного вида, частицы, вводные слова, специальные синтаксические структуры в несвойственных им денотативных значениях (фразеосхемы). Отмеченные языковые единицы форми-

руют содержание и структуру ККА и служат яркими маркерами речевого конфликта [10].

Проиллюстрируем лингвистическую составляющую конфликтных диалогов и их переводов из художественной литературы. Речь персонажей из пьесы известного английского драматурга Джона Бойнтона Пристли «Время и семья Конвей» точно воспроизводит устную форму разговорной речи и характеризуется теми же чертами, что и разговорная речь в ее устном варианте [11]. Следует сказать об особой важности авторских ремарок в данных произведениях, которые здесь играют огромную роль и помогают лучше понять настроение героев и их внутренний мир.

Hazel (coolly): I've forgotten the word.

Carol (indignantly): Hazel, you're the **limit**! And we spent hours working it out!

Hazel: I didn't. Only you and Kay, just because you fancy yourselves as budding authoresses and actresses.

Kay (severely): The word – idiot! – is Pussyfoot. Puss. See. Foot. Then the whole word.

Хейзл (равнодушно): Я забыла слово.

Кэрл (с досадой): Хейзл, ты **невозможная**! Мы целую вечность это сочиняли!

Хейзл: Я ни при чем, сочиняли только ты и Кей, вы ведь воображаете, что вы будущие писательницы и артистки.

Кей (сурово): Дурочка, запомни, загадано слово «Кислятина». Кис. Ля. Тина. А потом все вместе [7].

Конфликтная ситуация была спровоцирована одной из сестер намеренно. Она делает вид, что ей все происходящее вокруг не важно, обижаясь на то, что её сестры считают только себя талантливыми артистками, и пытается вывести их из себя. С точки зрения прагматики она нарушает максимум качества, так как то, что она говорит является ложным, тем самым выводит коммуникантов из себя. Её называют **the limit**, переводчик передает его словом *невозможная*, что является вполне подходящим в данном контексте.

Переводчик передал слово **idiot**, которым одна из сестер назвала другую, как *дурочка*, смягчив, таким образом, значение английского варианта, что абсолютно оправдано в данном контексте. Отношения сестер отнюдь не враждебные, просто одна из них укорила в забывчивости другую. Слово *идиотка* указало бы на непреодолимые разногласия между героями и дало бы читателю ложное представление об отношениях в семье.

Mrs. C.: **But** why, dear, why? It isn't sensible. If you're having a party, you're having a party.

Kay (earnestly): Yes, it isn't that. And it isn't that you suddenly dislike the people. But you feel – at least I do, and I suppose that's what father felt too – you feel, quite suddenly, that it isn't real enough – and you want something to be real. Do you see, Mother?

Mrs. C.: **No I don't, my dear.** It sounds a little morbid to me. But your father could be quite morbid sometimes – you mightn't think so, but he could – and I suppose you take after him.

Missus K.: Но почему, дорогая, почему? Это неразумно. Раз уж позвали гостей, значит, у тебя гости и должно быть весело.

Кей (серьезно): Не в том дело. И не то чтобы эти люди вдруг тебе стали неприятны. Но чувствуешь – по крайней мере, у меня бывает такое чувство, наверно, и с папой тоже так было, – вдруг, ни с того ни с сего, чувствуешь, что все это не настоящее, и хочется чего-то настоящего, подлинного. Понимаешь, мама?

Missus K.: Нет, дорогая, не понимаю. Как-то мрачно это звучит. Правда, ваш отец иногда бывал очень мрачный... вам, наверно, это странно, но с ним так бывало... наверно, ты пошла в него [7].

В этой ситуации конфликт возникает на почве чуждой коммуникативной среды, которая сводит усилия участников к нулю. У матери и дочери отсутствует настроенность на внутренний мир друг друга. Непонимание происходит из-за психологических различий, из-за разных интересов, мнений. На наш взгляд, в данной ситуации слова матери не являются уместными, так как она могла бы попытаться понять дочь, но она лишь аргументирует это тем, что праздник есть праздник. Происходит пренебрежение одной из максим успешной коммуникации – релевантности, коммуникативное намерение дочери остается непонятым.

Союз **but**, который был переведен абсолютным эквивалентом *но*, показывает нам близкую степень родства адресанта и адресата и отсутствие необходимости придерживаться формальностей. В качестве возражения приводится информация, которая противоречит мнению другого коммуниканта.

Кроме того, используется отрицание как результат оценки истинности сообщаемой информации: **No I don't, my dear** – такая реакция в английском языке может быть выражена лексико-грамматической формулой *No, S+P+not*, которому в русском языке соответствует реплика-повтор *Нет, дорогая, не понимаю*, её структура совпадает со структурой английской реплики.

Carol: **Mother, you weren't going to be an actress, were you – just a singer?**

Mrs.C.: I don't know what you mean by just a singer. I was a singer **certainly**. But I did some acting too. When the Newlingham Amateur Operatic

first did "Merry England", I played Bess. And I'd had all you children then. You were only about two, Carol.

Кэрол: Мама, а ты никогда не собиралась стать актрисой, только певицей, да?

Миссис К.: Не понимаю, что это, по-твоему, означает – только певица. Конечно, я была певица. Но я и на сцене играла. Когда Ньюлингемский любительский оперный театр впервые поставил «Веселую Англию», я выступала в роли Бесс. А у меня **уже родились все вы**. Тебе, Кэрол, тогда еще и двух лет не исполнилось [7].

Этот конфликт является наглядным примером эффекта несоответствия, который возникает тогда, когда слова одного из собеседников не нравятся другому, потому что он считает неправомерным их употребление в свой адрес. Мать придает огромное значение слову *только*, соответственно оно приобретает отрицательную коннотацию и, по её мнению, звучит как оскорбление. Провал коммуникации случается из-за несоблюдения успешной максимы общения – манеры. Слова: «**Mother, you weren't going to be an actress, were you – just a singer?**», которые, на первый взгляд, не содержат ничего оскорбительного, воспринимаются матерью как оскорбление, так как она посчитала их принижающими её профессию. В английском языке используется разделительный вопрос с отрицанием, что является грубоватой формой. В переводе коннотацию слова *только* можно передать интонацией.

Слово **certainly** показывает, что эффект несоответствия может возникать, когда сообщаемая информация расценивается как положительная и само собой разумеющаяся одним из коммуникантов, а другой – относится к ней иначе. Слово *certainly* подчеркивает позицию говорящего, и здесь переведено как **конечно**, что является просто эмоциональным *да*. На наш взгляд, лучше было бы использовать слово *разумеется*, поскольку в русском языке именно оно имеет подтекст: «что уж тут спрашивать».

Во фразе *And I'd had all you children then*, говорящий для усиления значения своих слов использует перфект: *А у меня уже родились все вы*.

Анализ варианта оригинала и его перевода, проведенный методом сопоставления, выявил, что существуют различные способы лингвистического выражения конфликта. Выбор этих средств напрямую зависит от причин, вызывающих конфликт. Выбор языковых средств выражения конфликта часто определяется на прагматическом и стилистическом уровнях. В зависимости от социокультурных особенностей языка выбор тех или иных средств происходит согласно установленным рамкам, в соответствии с которыми ведут себя носители языка.

Следующий пример из романа С. Моэма «Театр». Это диалог между актрисой Джулией и директором театра, в котором она служит, Джимми Лэнгтоном. Перед нами конфликтная ситуация.

Julia went up to him and *stared* into his eyes *searchingly*.

"Have you done all this to get me to stay on for another year? Have you broken my heart and ruined my whole life just to keep me in your rotten theatre?"

"I swear I haven't. I like you and I admire you. And we've done better business the last two years than we've ever done before. But **damn it**, I wouldn't play you a **dirty trick** like that."

"You liar, you filthy liar."

"I swear it's the truth."

"Prove it then," she said *violently*.

"How can I prove it? You know I'm decent really" [5].

Джулия подошла к нему и *испытующе* посмотрела в глаза.

- И вы все это **подстроили**, чтобы заставить меня пробыть у вас еще сезон? **Разбили** мне сердце, **разрушили** всю мою жизнь только ради того, чтобы удержать в своем **паршивом театре**?!

- **Клянусь, что нет.** Ты мне нравишься, я восхищаюсь тобой. И за последние два года дела у нас идут как никогда. Но, **черт подери**, такой подлости я бы не совершил.

- **Лгун, грязный лгун!**

- Клянусь, это чистая правда.

- Докажите это тогда! – *горячо* сказала она.

- **Как я могу доказать? Ты сама знаешь**, я действительно порядочный человек.

Директор театра отказывается дать Джулии истинную информацию, преследуя свои личные намерения. Чтобы убедить партнера по коммуникации (Джулию), он дважды повторяет одну и ту же фразу (I swear), настаивает на своем. Неразвернутое ложное высказывание **"I swear I haven't"** блокирует выдачу запрашиваемой информации о том, что адресант причастен к тому, что ее жених, актер Майкл, уезжает на год по контракту в Америку. Лэнгтон меняет тему разговора: льстит, восхищается Джулией, готов пойти на некоторые уступки, чтобы отвлечь ее от действительного положения вещей. Этой же цели служит многословие: директор выдает слишком много ненужной информации. Когда Джулия требует доказательств, он задает встречный вопрос: **"How can I prove it?"** и вновь переходит к другой теме, начиная говорить о своей порядочности: **"You know I'm decent really."**

Вербальный контекст, включающий сниженную лексику (*damn it, filthy liar, a dirty trick*), позволяет предположить невербальные средства

коммуникации. В данном случае это *повышение тона*, выдающее гнев и раздраженное состояние одного из участников разговора и страх перед разоблачением другого.

В результате анализа произведений английской художественной литературы и их переводов мы пришли к выводу, что язык выражения конфликтного диалога имеет свои особенности. Развитие конфликта в речи происходит за счёт использования определенных стереотипных логических и синтаксических структур. Можно выделить несколько наиболее распространенных способов лингвистического выражения конфликта: использование противительного союза *but*, которому в русском языке соответствует союз *но*; лексико-грамматическая формула *No, S+P+not / V+not*, которой в русском языке соответствует формула со сходной структурой; использование вводных слов противительного характера, клише; употребление оскорбительных слов; применение кодифицированных выражений; использование модальных и отрицательных конструкций. Причины коммуникативных неудач и отношения между участниками разговора определяют не только спектр возможных вариантов языкового выражения конфликта, но и тактику поведения адресата и адресанта. Дальнейшее исследование может касаться невербального выражения конфликта и анализа паралингвистических средств, сопровождающих речевое взаимодействие.

1. Городецкий Б.Ю. К типологии коммуникативных неудач: учеб. пособие для вузов / Б.Ю. Городецкий, И.М. Кобозева, И.Г. Сабурова. – Новосибирск, 1985. – 150 с.
2. Грайс Г.В. Логика и речевое общение: учебник для вузов / Г.В. Грайс. – М.: Прогресс, 1985. – 432 с.
3. Ермакова О.Н. К построению типологии коммуникативных неудач: учебник для студ. вузов / О.Н. Ермакова, Е.А. Земская. – М.: Наука, 1993. – 180 с.
4. Комалова Л.Р. Речевая коммуникация в ситуации конфликта / Л.Р. Комалова // Вестн. МГЛУ. Серия 1. Филология. – Минск, 2008. – №5. – С. 117 – 126.
5. Моэм У. Сомерсет. Театр: книга для чтен. на англ. яз. / Сомерсет У. Моэм – М.: Менеджер, 2004. – 304 с.
6. Потапова Р.К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика: учеб. пособие / Р.К. Потапова. – 2-е изд., доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2001; 3-е изд. – М., 2003; 4-е изд. доп. – М., 2008.
7. Пристли Дж. Б. Время и семья Конвей / Дж. Б. Пристли; пер. с англ. А. Гутиев, Н. Самуэльян. – М.: Менеджер, 1997. – 207 с.

8. Речевые акты: лингвистика. Intell [Электронный ресурс]. – М.: Кругосвет, 2006. – 1 электрон., опт. диск (CD-ROM).
9. Третьякова В.С. Конфликт глазами лингвиста / В.С. Третьякова // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 127 – 140.
10. Третьякова В.С. Конфликт как феномен языка и речи / В.С. Третьякова // Изв. Уральск. гос. ун-та. – 2003. – Вып. 14. – № 27. – С. 26 – 42.
11. Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка: учеб. пособие / Л.П. Чахоян. – М.: Высшая школа, 1979. – 168 с.